

Глава I

На мгновение все замерли, смотря на меня с неверием и опаской. Такое выражение бывает у тех, кто услышал неприятную новость, но не хочет её осознавать, надеясь вот-вот услышать, что это была лишь плохая шутка и ощутить облегчение.

Первым отреагировал Долгорукий. Шевельнувшись, скользнул взглядом по телу гомункула, черты лица которого уже начали расплываться и тихо рыкнул, полыхнув гневом. В следующую секунду воздух около него уплотнился, собираясь мощной стеной. Затем, князь поднялся в воздух — расставив руки, встал посреди завывающего вихря, который потащил его вверх. А потом патриций помчался в сторону Москвы, быстро набирая скорость и оставив за спиной своё сопровождение с их автомобилями.

Это простое действие, как будто снесло плотину, мешавшую движению — патриции немедленно принялись действовать. Одни бросились к машинам, другие спешно использовали Дар, уносясь вдаль по воздуху или по земле. Видимо считали, что так будет быстрее.

Сам я потянулся к костяному дракону, которого Лера привязала к моему разуму. Оглянувшись назад, рывкнул, перекрывая гомон.

— Прохор и Гифер со мной, к Кремлю. Лера и Ульяна — охранять лагерь. Всем остальным, прикрывать и быть рядом. Командование на Ульрихе.

За счёт узконаправленного Гласа, отданный приказ доносился до всех ждущих рядом боевых групп, укрытых пологами невидимости.

На лицах тех патрициев, кто ещё обращал внимание на происходящее вокруг, появилось искреннее изумление — они явно не ожидали увидеть, как в воздухе проявляются фигуры людей и драконов, которых они раньше не ощущали.

Костяной дракон опустился на асфальт, но как только я забрался на своё место, на белую шею крылатого конструкта опустилась чья-то рука. На меня же уставились широко распахнутые и горящие безумием глаза Урусова.

— Позволишь, граф?

Я молча кивнув и князь ловко запрыгнул, расположившись позади. А через секунду дракон взмыл вверх.

Сзади, поднимались в воздух остальные конструкты. Справа, быстро нас обогнав, промчался на зелёном призрачном коне Оболенский.

Впрочем, я уже прикрыл конструкта защитным барьером и пустил в дело силу, рассекая перед ним воздушное пространство. Так что, фигура кавалергарда перестала стремительно

удаляться, а потом дистанция и вовсе стала сокращаться.

На момент мелькнула мысль пустить в дело накопители, дав Сандалу достаточно энергии, чтобы принять полноценный размер. Но я сразу отказался от этой мысли. Сейчас, мне требовались способности спутника, которые были доступны только в его призрачном облике. Это было важнее, чем грубая разрушительная мощь.

А вот Мьельнир, всю тянул мощь из артефактов. Казалось, живой камень и так заполнен под завязку. Но после разрыва нашей связи около крепости Шуйских, он похоже стал опасаться снова оказаться в одиночестве. Равно как и бояться того, что имеющегося объёма силы не хватит, чтобы дать отпор врагу.

Внизу стремительно мелькали дома, а я использовал зрение Сандала, чтобы оценить ситуацию. Тот факт, что прямо сейчас представителей родовой знати убивали, сразу же переваривая их души, был неоспорим — дракон улавливал мощный фон от энергии распадающихся посмертных образов, которым несло из-за стен Кремля. А единственным логичным предположением, были действия Даниила. Либо гомункул каким-то образом передавал информацию о происходящем, либо сигналом послужила его гибель, но царевич молниеносно перешёл к запасному плану.

Причина была понятной и простой — страх поражения от Дарьи. Достаточно было вспомнить, как успокоились, взметнувшиеся было тени, стоило деве чуть надавить тогда, во дворце. Видимо, оттого он и решил воспользоваться схемой усиления, которой с ним поделился благодетель.

Гвардии Рюриковичей и войск гарнизона около Кремля было немного. Основные силы размещались в дальних кварталах столицы. Но атаковать нас они не спешили. То ли по той причине, что первым промчался князь Долгорукий, то ли из-за того, что родовой гвардии, которая стояла вперемешку с имперскими военными, уже стали поступать команды от их командиров, с которыми связались патриции, передав приказы. Сложно сказать. Вполне вероятно — всё вместе взятое.

К тому же, многие признали Оболенского, который нёсся по воздуху на могучем призрачном жеребце, с обнажённой саблей. Что-то мне подсказывало, атаковать легендарного князя, никому из солдат не хотелось. Потому как, умереть за своего господина и его род, вроде дело не самое плохое. Но в этом должен быть какой-то смысл. А откуда он возьмётся, если ты погибнешь, атаковав Оболенского?

Тем более, внизу было полно солдат имперской армии, в которой кавалергард пользовался определённой популярностью. А причин геройски умирать, у военных из регулярных частей было ещё меньше. Если их командирам наверняка раздали щедрые обещания, то нижним чинам, от силы накинута жалованье, да гарантировали внеочередное повышение по службе, когда всё закончится. Ради такого никто не станет соваться под горную лавину, пытаюсь остановить её своим телом.

Долгорукий добрался до цели первым. Но сходу атаковать не стал — остановился, замерев в

воздухе. Логично. Враг был внутри Кремля. Древней крепости, стены которой были напитаны силой, а внутри имелись накопители с диким объёмом энергии. К тому же, именно здесь находился алтарь Рюриковичей. Так что причины колебаний князя я прекрасно понимал. Пусть внутри, наверняка находились и члены его рода. Что-то мне подсказывало — Даниил специально придумал какой-то повод, чтобы собрать их всех в Кремле. Скорее всего собирался поднять градус ярости, после чего отправить патрициев навстречу своей сестре. Могу поспорить, выродок Эребуса, здорово обрадовался, узнав, что Дарья сама пригласила их для переговоров, облегчив его задачу.

Вот Оболенский, который спустя считанные секунды оказался рядом с Долгоруким, долго раздумывать не стал. Вернее, вовсе посчитал это лишним — сразу же устремился вниз. Прямо на мерцающие грязно-зелёные щиты.

К моему удивлению, кавалергард промчался через них, не испытав каких-то затруднений. Зато они появились, когда копыта его призрачного коня оказались около кремлёвской стены. Воздух на момент пропитался чёрным и сверкнула мощная вспышка силы. Скакун, вместе со своим наездником, отлетел в сторону, как будто отброшенный ударом мощной кувалды. Врезавшись в стену одной из башен, что поднимались над крепостью, проломил её и провалился внутрь.

— Я прр-р-ридумал для него песню!

Рык Сандала был наполнен настолько жгучей ненавистью, что внутри проскочило удивление. Не так часто, я чувствовал настолько зашкаливающие эмоции.

— Не пробуй атаковать один. И не суйся сам. Только по команде.

Тот разочарованно рыкнул, а я глянул на крепость своими собственными глазами — конструктор уже вынес нас к нужной точке.

Урусов сразу же скользнул вниз. Я даже среагировать не успел, как патриций полетел к брусчатке площади. Воздушной подушки он при этом не развернул, но вот камень под ним, как будто спружинил и промялся, обеспечив мягкую посадку.

Прохор с Гифером были уже в относительной близости. Где-то чуть дальше виднелась фигура Дарьи, что мчалась на крылатой химере, которую взяла с собой, попросив тоже укрыть пологом невидимости. Сразу за ней двигался Шуйский. Ярко сверкал болид Голицына. Замыкали эту группу Трубецкой с Мстиславским. Первый летел на чём-то, напоминающем энергетический ковёр, восседая по его центру, а второй вполне предсказуемо восседал на воздушной фигуре, что очертаниями напоминала быка.

Позади несло несколько десятков иных Одарённых, что рассыпались по небу. На фоне которых заметно выделялись боевые тройки членов моей свиты.

Я потратил всего секунду на то, чтобы оценить ситуацию с потенциальным подкреплением, но Урусову этого хватило. Снизу повеяло силой, а брусчатка площади, неожиданно

вздыбилась. Потекла расплавленными ручьями, что собирались в мощные человекоподобные фигуры, состоящие из чего-то напоминающего лаву.

Где-то на заднем фоне пронеслась флегматичная мысль, что даже с учётом профильных Одарённых, восстанавливать центр города после этого боя, придётся не один день. Впрочем, в следующую секунду она исчезла на задворках сознания, а первый из лавовых големов устремился к зелёным щитам.

Одновременно с этим в проломе башни показалась фигура Оболенского. Уже без коня, но всё ещё с саблей. Глянув в мою сторону, он непонимающе нахмурился и приглашающе махнул рукой.

Момент подумав, я направил вперёд костяного дракона, дав команду Сандала приблизиться и лететь рядом. К моему удивлению, защитный барьер пропустил нас точно так же, как ранее князя.

Правда и второй компонент встречи тоже последовал незамедлительно — облако энергии мёртвых душ, что обрушилось с одной из сторон, стремясь уничтожить и разорвать в клочья. Я встретил его мощным щитом из божественной мощи, но конструкта это не уберегло — ему снесло левое крыло, оторвало голову и выжгло почти всю энергоструктуру. Пришлось экстренно сажать то, что осталось во внутреннем дворе.

Стоило мне оказаться на земле, как рядом появилась фигура Оболенского, который попросту спрыгнул с высоты башни.

— Вперёд, граф. Пора это остановить.

Я бросил косой взгляд в сторону стены, за которой что-то полыхнуло и озвучил вполне логичное предложение.

— Может стоит дождаться остальных?

Кавалергард поднял голову, бросив взгляд на мерцающий щит грязно-зелёного цвета.

— Пока они прорвутся, всё уже закончится. Я мог пройти сам и впустить внутрь ещё одного человека, что и сделал. Другим придётся пробиваться самим.

Мьельнир возмущённо пискнул, а сам князь уверенно направился к стене ближайшего здания. Входа я там, правда не видел, но возможно он собирался забраться в окно. Или банально разломать каменную кладку.

Догнав его, я предпринял ещё одну попытку.

— Дарья совсем рядом, а она ведь Рюриковна.

Патриций с неожиданно печальной ухмылкой, махнул головой.

— Она не пройдёт. Долго объяснять граф, но такую способность мне когда-то оставили как раз на такой случай. Если среди Рюриковичей начнётся свара. Да настолько сильная, что дело дойдёт до открытой войны. Так что вся слава достанется нам, не переживайте.

По этому поводу, у меня как раз волнений не было. Марс возможно уже мчался бы вперёд, обгоняя Оболенского. А вот мне было безразлично, кто именно наденет на свою голову лавровый венок триумфатора. Главное, чтобы дело было сделано. К тому же в голове были свежи воспоминания о битве под стенами крепости Шуйских. Монголов из рода Болод я пока не чувствовал. Но зато здесь точно имелся один из Рюриковичей, который безумными темпами поглощал энергию умирающих душ. Отборных — выходцев из высшей знати империи. Смертных с мощным родовым Даром и развитыми энергетическими каркасами, которые они тренировали с детства.

— Об артефактах не беспокойтесь. Все защитные системы вас запомнили. Мы спокойно пройдем, где угодно. Крепость мешать не станет.

Сандал, который только что попытался пролететь через стену и был отброшен защитой, негодуя рыкнул, что заставило Ратибора покоситься вверх.

— Вот через кладку лезть не советую, дракон. Призрачные конструкты, знаете-ли одно время были крайне популярны. Потому тут всё от них закрыто. Даже для тех, что созданы силой Рюриковичей.

Остановившись около стены, патриций задумчиво её осмотрел, а потом приложил руку к участку справа от себя и я почувствовал небольшой ток силы.

Кусок кладки почти бесшумно отошёл в сторону, заставив меня удивлённо хмыкнуть — никаких следов плетения я тут не видел. Вот, абсолютно. Если бы не ощущение своего рода «энергетического ключа», который использовал кавалергард, я бы вообще сказал, что тут сработал обычный физический механизм.

Смертный шагнул вперёд, а я извлёк из свёрнутого пространства божественный клинок. На этот раз, для этого пришлось приложить заметное усилие, но в итоге оружие оказалось в моей правой руке.

Когда двинулся следом за князем, вливая в меч силу, тот мельком глянул на засветившуюся от божественной мощи сталь.

— Значит не показалось мне тогда, под крепостью. Удивительный ты человек, Василий. На первый взгляд, ничего такого, а потом смотришь, у тебя в руках меч, которому любой император позавидует.

Чуть притормозив, выбрал в тусклом свете своей кольчуги нужный участок стены и приложил к нему руку, открывая ещё один проход — на этот раз ведущий к ступенькам.

— Может ты наследник какого сгинувшего рода? Ну, Юань например? Или ещё кого. У

Тюдоров говорят, были бастарды, что умудрились выжить в той резне, что устроили Стюарты. У франков тоже кто-то цел оставался из старых.

Сандал, который сейчас летел рядом и был крайне недоволен невозможностью проходить через стены, недовольно рыкнул.

— Много говоррр-р-ришь! Мало делаешь.

Оболенский, который как раз открывал новый проём, к моему удивлению, даже не разозлился. Только мрачно усмехнулся.

— Поговорить я люблю всегда. Вот только перед смертным боем, о женщинах и развлечениях болтать не тянет. Войну обсуждать смысла нет — мы уже на ней. Остаётся не так много тем, дракон.

Спутник смущённо смолк. Я же осторожно уточнил.

— С чего ты взял, что бой будет смертным?

Со стороны князя послышался смешок.

— Потому что чувствую силу врага. Одного не пойму, как раньше никто не разобрал, насколько у него мозги спеклись?

Мы пролетели до конца ещё одного перехода и кавалергард притормозил, развернувшись ко мне.

— Право есть у меня. Древнее и дарованное нашему роду. Чувствую я стены эти. И сейчас они дрожат да трепещут. Содрогаются. А родовой алтарь закрылся. Понимаешь? Страж алтаря пытается защититься. Только не выйдет у него против своей же крови биться. Нельзя так.

Внутри ворохнулось понимание.

— Даниил хочет завладеть алтарём?

Оболенский оскалился в полутьме.

— Заставить Стража подчиниться. Пропитать алтарь своей грязью да наполнить силой мёртвых. Извратить. Тогда он только Даниилу подчиняться и будет. Мне и представить страшно, на что тот тогда способен станет.

С одной стороны, всё это звучало безумно. А с другой, ради власти, смертные шли на куда более дикие и мерзкие вещи.

— Времени мало. Стены говорят со мной. Я чувствую всё, что происходит в этой крепости, граф. Совсем скоро у Даниила окажется достаточно силы. Пока остальные будут ломать

защиту и пробиваться, он успеет всё закончить. У тебя есть сила Древнего, а я единственный, кто может пройти через барьеры. Дарья сейчас с ним точно бы не справилась. Погибла бы девчонка и дело с концом. А у нас есть шанс. Идём.

Пока мы разговаривали, Мьельнир вытянул ложноножку к стене, изучая её энергетическую структуру. И когда Оболенский развернулся, двинувшись дальше, живой камень неожиданно оптимистично пропищал.

— Сс-с-структура нарушена. Я могу подчинить.

Я отдал короткую команду действовать и спутник принялся за дело, скользя по стене ложноножкой, чтобы поддерживать постоянный контакт.

Потом князь снова на момент остановился. Оглянувшись, посмотрел на меня так, что сразу стало ясно — пришли. А потом в очередной раз приложил руку к каменной кладке, заставляя открыться проход.

Когда камни отошли в сторону, я удивлённо моргнул. И приказал Мьельниру остаться здесь, продолжив работу. Когда я отдал команду второй раз, надавив тоном, спутник всё-таки подчинился и покинул запястье моей правой руки. А я шагнул следом за Оболенским, оказавшись около стены громадного вытянутого зала, с двух сторон которого тянулись ряды колонн.

Трупы. Заливающая паркет кровь. Ещё живые люди, безвольно лежащие на полу. И довольно улыбающийся Даниил.

Теперь я прекрасно знал, почему раньше никто не заметил, что у царевича не всё в порядке с головой. Как минимум, у меня имелось веское предположение на этот счёт. По той простой причине, что раньше в его теле не было сгустка непроглядной черноты, что сейчас впитывал силу, разорванной в клочья души. Не было «искры» Аида.

Глава II

Я рассчитывал на разговор. Беседу в которой возможно получится что-то выяснить. Смертные, которые слишком быстро обретают колоссальную мощь, часто любят потрепаться, считая себя хозяевами положения. А этот именно таким и выглядел — дорвавшимся до нового источника силы и безудержно поглощающим энергию посмертия.

Но Рюрикович удивил — юноша не стал пытаться поговорить. Ударил в ту же секунду, как я оказался рядом с Оболенским.

Взвыли, вырванные из тел души. Загудел, пронизываемый мощью воздух. Мгновение и на нас ринулись десятка два монстров, которыми обратились посмертные образы Одарённых.

Плеснуло силой от Оболенского и навстречу бесформенным теням устремились десятки призрачных соколов. Ударил поток пламени Сандала. Хлестнула огненно-солнечная плеть Амата́расу.

Твари были сильны. Очень просты по своей структуре — таких не использовали даже худшие из членов свиты Аида. Но зато до безумия напитаны божественной мощью. Потому трое из них всё-таки прорвались. Разорвали соколов Оболенского, уклонились от плети и выдержали натиск пламени Сандала.

Правда, сильно это им не помогло — сабля князя легко рассекла одну из сущностей, а мой клинок разрушил энергоструктуры двух оставшихся, превратив их в тонкую взвесь.

Но выродок Бездны и не собирался достать нас этой атакой — она понадобилась исключительно для того, чтобы выиграть немного времени. С этой задачей, созданные из душ монстры справились на отлично.

А смертный с «искрой» Аида, прибегнул к тому же средству, которое я недавно сам использовал в битве за крепость Шуйских. Мне было хорошо видно, как божественная мощь хлестала по каналам его каркаса, заливая всю энергетическую систему и выводя смертного на совершенно новый уровень силы. Кольчугу он хоть и поставил, но сделал это не слишком ловко — она прикрывала от урона, при этом не мешая мне разглядеть происходящее под защитным барьером.

Воздух заполнил рык Сандала. Засверкали светло-зелёные всполохи, из которых начали сплетаться звериные фигуры — Дар Оболенского работал медленно, как будто с трудом находя достаточно силы. Я же снова пустил в дело Глас.

— **ОСТАНОВИСЬ!** Даже если ты выиграешь бой, всё равно потом умрёшь. Давай поговорим.

Атаковать его сейчас, когда внутри вращался крупный и нестабильный осколок настоящей божественной «искры», стало бы верхом глупости. Возможно у меня и вышло бы пробить защиту. В теории, я даже мог достать его самого клинком. Только вот кусочек божественной сути этот смертный получил совсем недавно. И независимо от того, каким именно способом тот заставил удержаться в его теле, прямо сейчас, осколок был крайне нестабилен. Даже я, используя свою собственную «искру», что работала с привычным к такого рода воздействию каркасом, безумно перегружал энергетическую структуру смертного тела. Что уж говорить о том, кто обрёл новые возможности, максимум пару суток назад.

Потому я использовал оружие другого формата — попытался отвлечь врага. Заставить его заговорить. Поверить, что дело можно решить миром. К тому же, мне было крайне интересно, откуда он взял этот осколок «искры» Аида? Как тот вообще сохранился в этом мире?

Но Даниил никак не отреагировал. Лишь безумно перекошил лицо, а потом потянул из ножен клинок, наполняя его чёрной дымкой, что клубилась вокруг.

Да сколько же в нём мощи? Почему его тело вообще ещё цело, а не разлетелось в мелкие клочья?

— Бьём вместе, граф! По моему сигналу!

Рёв Оболенского ещё не затих, а закончившие формироваться медведи, устремились вперёд. Ради справедливости — энергии он в них тоже влил немало. Только вот Рюрикович сейчас был куда сильнее. А обломок «искры» Аида перешёл в стабильное состояние.

Мгновение и зал перегородил гудящий чёрный вал. Ещё секунда и он захлестнул фигуры зелёных медведей, безжалостно давя их и разрывая в клочья. А потом устремился к возвышению, на котором стояли мы.

Я встретил его ударом собственной силы. Даниил влил в атаку столько мощи, что проще было рассечь волну встречным выпадом, чем пытаться вывести на нужный уровень собственную кольчугу.

Сработало лишь отчасти — моя божественная мощь взрезала вал сразу в пяти местах, ослабив его порыв, но не уничтожила полностью. Остатки накатились на нас. Захлестнули с головой, полностью перекрывая обзор и заставляя вливать в кольчуги энергию.

Сандал показал картинку Рюриковича, который бежит к нам с обнажённым мечом и спикировал вниз, выпуская поток пламени. Момент и изображение замелькало, а в голове раздался яростный и наполненный болью рык дракона.

Я плеснул собственной силой, разгоняя чёрную дымку, что давила на кольчугу, блокируя обзор. И встретил приближающегося смертного ударом плети Амаэрасу. Сразу вслед за этим надавил божественной мощью. Бросил несколько плетений, которые была способна напитать моя «искра».

Защита врага замерцала, выбрасывая в разные стороны чёрные всполохи. Но выстояла.

Рюрикович сделал ещё пару шагов и оказался около самых ступеней, когда атаковал Оболенский. В этот раз князь обошёлся без промежуточных звеньев вроде энергетических конструкторов. Обрушил чистую силу. И той силы было безумно много. А ещё она явно имела родство с огнём — воздух немедленно стал размытым маревом, паркет на полу за доли секунды обратился пеплом, а оказавшийся под ним камень, принялся плавиться.

Противник замер. Попытался поднять ногу, чтобы ступить дальше, но та погрузилась в вязкую кипящую массу. От его барьера отрывались крупные лохмотья энергии и тот отчаянно вибрировал, но Даниил держал оборону. Хотя сил для того, чтобы двигаться дальше, ему уже не хватало.

Я подключился почти сразу. Тоже ударил голой силой, впечатав энергетический молот в защиту врага.

Барьер выдержал. А вот сам царевич отлетел далеко назад, прокатившись по паркету и остановив движение только в самом центре зала.

Вслед ему устремились мощные светло-зелёные нити, что попытались заключить

Рюриковича в подобие кокона. С потолка упало солнце Аматэрасу, которое я начал создавать ещё в момент, пока наш враг катился по паркету.

Но тот резво вскочил на ноги, заставив разочарованно рыкнуть Санда. Обрушил ещё один чёрный вал на нити, что тянулись к нему от Оболенского. Встретил клинком моё солнце, что взорвалось на острие вражеского оружия. Вспышка ударила по глазам, а сталь клинка потекла вниз. Но циклопов выродок остался жив.

Вот только второй чёрный вал у него получился заметно слабее первого — встреченный нашим совместным ударом, он не докатился даже до ступеней. Пик той мощи, которую давала «искра» при слиянии с каркасом смертного, прошёл. И судя по тому, что я сейчас видел, после её выхода на стабильный уровень работы, шансов у царевича оставалось немного.

Сам Даниил, это видимо тоже понял. Потому как в следующую секунду, в воздухе закружились тени. Часть около портретов, которые висели на стенах, а иные прямо посреди помещения.

С правой стороны что-то взревел Оболенский, а я обрушил ещё один удар на самого Рюриковича, пытаясь остановить процесс. Поняв, что тот вывел свой щит на доступный максимум, благополучно держа натиск, попытался раздавить несколько ближайших теней.

Не вышло. Да и не совсем они напоминали тех, что появились после применения родовой силы Дарьей. Царевич вливал в каждую из появляющихся серых фигур божественную мощь. Менял их прямо в процессе создания.

— Не дайте им набрать силу! Бейте сразу, как появятся!

Сандал ждал под потолком, наблюдая за битвой — он и показал мне перекошенное лицо кавалергарда, что кричал, стоя в нескольких метрах от меня. Судя по внешнему виду, с князем творилось что-то неладное. Лицо заливал обильный пот, а руки тряслись настолько, что сжатая в правой, сабля, ходила из стороны в сторону.

Брызнула каменным крошечком одна из колон. Вдребезги разбившись, рухнул кусок потолка. Даже налитый энергией камень не выдерживал концентрацию подобной мощи в замкнутом помещении.

Мы с князем атаковали, не переставая. Били и били по прикрытой чёрным щитом фигуре. Я использовал все плетения, которые приходили на ум и отправлял в полёт копьё, сплетённые из чистой божественной силы. Ещё раз уронил на него солнце Аматэрасу. Пытался достать при помощи наспех созданного Дара управления камнем, который интегрировал в свой каркас. Бесполезно.

Через несколько мгновений серые тени обратились полупрозрачными фигурами, которые застыли посреди пропитанного мощью воздуха.

Всё ещё висящий наверху Санда, показал изображение Даниила, который сейчас был скрыт от наших взоров появившимися конструктами. Смертный неожиданно сбросил кольчугу и я увидел ожидаемую картину. Посеревшая и отошедшая от тела кожа, слезающая лохмотьями плоть, мертвенное перекошенное лицо, одна щека которого стала большим гнилым пятном и выцветшие глаза. Когда берёшь то, что не принадлежит тебе по праву, за это приходится платить. А сила Аида, это не мощь кого-то из его эллинских собратьев. В конце концов, она пожрёт душу и тело царевича полностью.

Дракон метнулся к открывшему противнику, но его остановил один из призраков. Ударил плетением — с виду обычным воздушным щитом, но при столкновении внутри неожиданно обнаружилась божественная сила Аида. Небольшого её количества хватило, чтобы притормозить Сандала и дать врагу время снова прикрыться кольчугой.

Вперёд ринулся Оболенский, а один из возникших призраков неожиданно вцепился во второго, принявшись разрывать его каркас на куски.

Меня одновременно атаквали ещё пятеро, но разницу между схлестнувшейся парочкой, я заметить успел. В одном хватало чёрных лохмотьев божественной силы Аида. Тогда как во втором её почти не было.

Впрочем, уже через секунду мне стало не до размышлений — призраки обрушили на меня целый град ударов. Что интересно — в прямой контакт они входить не пробоvalи. Сыпали издалеka разнообразными оттисками, каждый из которых содержал какой-то объём божественной мощи.

Оболенскому тоже доставалось — он кружился по залу, принимая удары на кольчугу и пытаясь достать врагов саблей. Безуспешно — те оказались достаточно умны, чтобы держать дистанцию. А воздух настолько пропитался грязной мощью уничтоженных душ, что казалось, сам по себе тормозил любые движения.

— Я сс-с-сделал! — писк Мьельнира заставил на доли секунды отвлечься.

— Убери защиту,пусти остальных. И ударь всем, что есть, по цели, — мысленно рявкнул я, отдавая приказ.

Сразу за этим, сделал рывок вперёд, заставив призраков устремиться в разные стороны. А из-за колонны спикировал Санда, который сейчас щедро впитывал в себя божественную силу.

Конечно, они попытались его остановить. Сразу трое успели выставить щиты. Но на этот раз дракон знал, что именно будет преодолевать. Да и резерв мощи у него был куда выше.

Крылатый спутник прошёл сквозь барьеры с такой лёгкостью, как будто тех и не было. После чего врезался в одного из призрачных противников. Сам я вцепился божественной мощью ещё в двух. Выплёскивая ярость и накопившуюся злость.

Один лопнул сразу, разлетевшись ошмётками каркаса. Второй сопротивлялся чуть дольше,

но его ждала та же участь.

Неплохо. Но слишком медленно. Врагов не меньше тридцати. Оболенский, которого мотало из стороны в сторону, как будто кавалергард был изрядно пьян, достал всего двоих. Ещё пару только что уничтожил я сам. Пятого разорвал Санда. Оставалось около двадцати пяти. Каждый — с собственным источником силы и толикой мощи Аида внутри.

К тому же, теперь я хорошо понимал, что имел в виду князь, когда говорил про время — возможности наших противников росли буквально на глазах. Удары плетений становились более сильными, призраки живучими, а их интеллект уже вышел за рамки элементарных боевых схем. Они даже пытались объединить свои силы, чтобы разом ударить по кому-то из нас мощной печатью.

— Мьельнир, мне нужна сила! Сейчас же!

Живой камень тонко пискнул и через мгновение пролетел сквозь кольчугу, обвиваясь вокруг запястья правой руки. А я почувствовал как в каркас вливается свежая энергия. Не в таком объёме, как хотелось бы — у спутника вышло перехватить только частичный контроль над артефакторными системами крепости. Но это уже было неплохо.

Следующий удар плети Амаэрасу серо-черных призраков не напугал. Они уже отражали подобные, выставляя многослойные щиты. Правда, в этот раз, моя атака разнесла их барьеры на куски, развеяв сразу троих врагов. Прежде чем остальные успели осознать произошедшее, я убрал с поля боя ещё двоих. После чего бросился вперёд.

Оболенский что-то прокричал, обращаясь к Даниилу, а я метался по залу, рубя мечом, обрушивая на врагов удары плети и пытаюсь самому не угодить под ответные атаки. Призраки, что дожили до этого момента, были куда сильнее — удары у них стали намного более мощными. Пусть кольчугу и не пробивали, но вот замедлить могли запросто.

Силы, которая вливалась в каркас через Мьельнира, хватало, чтобы довести скорость перемещения и атак до того предела, за которым призраки просто не успевали реагировать. Смертная оболочка наверняка потом заставит вспомнить мои же слова, что за такую силу требуется платить. Но иного выбора не было.

Удар огненной плети разнес в крошево громадный кусок колонны, фактически перерубив её пополам. Ответная атака одного из врагов схлопнула воздух на месте, где я только что стоял и по полу, на котором успел полностью выгореть паркет, поползла трещина.

Сверкнула зелёная вспышка силы Оболенского — князь тоже продолжал сражаться, отвлекая на себя часть врагов. Хотя, вёл он себя так, как будто в его крови плескалось то ли море вина, то ли такое же количество отравы. Замедленные движение, неточные атаки и периодические паузы, во время которых кавалергард застывал на месте.

Впрочем, какое-то количество призраков всё равно били по нему, за что я был благодарен. Тем более, все последующие атаки Санда оказались не такими успешными, как первая —

его отбрасывало при контакте с врагами. Как будто между ними проскакивал мощный заряд электричества, после чего дракона отшвыривало в сторону. А бросать в бой Мьельнира, я опасался. Пространство вокруг было настолько переполнено силой и перекручено, что приток энергии от артефакторных систем Кремля, мог резко сократиться. К тому же, какую-то часть силы придётся отдавать самому Мьельниру, что сразу же меня замедлит. А действовать сейчас и так приходилось на самой грани возможного.

Тем не менее, у меня получалось. Пусть с каждым мгновением воздух вокруг становился всё более вязким, а двигаться было труднее, но количество призраков быстро сокращалось.

Рюрикович так и оставался в центре зала. Застыл неподвижной фигурой, окутанной чёрным барьером. Не просто так само собой — смертный был чем-то занят. Но я никак не мог разобраться, чем именно — постоянно отвлекали атакующие серо-чёрные фигуры.

Когда в строю остались только трое призраков, которые не сговариваясь, зависли в воздухе между мной и Рюриковичем, наконец начал действовать и он сам.

Божественная сила хлестнула вниз, прошивая перекрытия и добираясь до земли. Ударила в сторону. Зацепила даже верхний этаж.

Я чувствовал всё это, потому как Мьельнир был объединён с артефакторной системой. Спутник успешно маскировался под её компонент, получая информация и черпая энергию из накопителей.

Вот чтобы почувствовать одновременную смерть доброй тысячи Одарённых, запертых в кремлёвских подвалах, помощь живого камня мне не понадобилась.

Колоссальная масса душ рванула наверх. К безумцу, который считал, что сможет переварить такую мощь и сохранить разум. Вот чем он занимался всё это время — готовил к применению плетение. Абсолютно иное по своей структуре и непохожее на привычные ему, из-за чего процесс и занял столько времени.

— Он ненастоящий ддрр-р-ракон!

В голове прозвучал рык Сандаля, а я проводил взглядом троих призраков, которых затянуло в чёрный вихрь, что закружился вокруг фигуры Даниила.

Защиту он убрал. Но внутри кружащегося смерча, который состоял из разорванных на куски душ, была такая концентрация силы, что атаковать не имело смысла. Любое плетение будет перемолото. А божественный клинок просто вышвырнет назад, за счёт энергетического резонанса.

Последняя фраза заставила сознание осветиться неожиданной мыслью. Секунду я помедлил, обдумывая её. А потом принялся действовать. Попытался создать ещё одно солнце Агатэрасу. Только на этот раз, воплотив его прямо внутри кружащего вихря, который скрывал фигуру врага.

Естественно, из этого ничего не вышло. Было бы странно, обернись ситуация иначе. Но вот сила «искры» верховной богини Японии к нужному месту устремилась. В том её виде, который позволяет проходить через большинство препятствий. Включая и сырую энергию душ. Будь вихрь сформирован из чистой божественной мощи Аида, ничего бы не вышло. А так, частицы энергии, из которых должно было состоять то самое солнце, устремились к нужной точке. И замерли, когда энергетическая конструкция, что должна была вобрать их в себя, схлопнулось на самом начальном этапе.

Крохотные частицы силы Аматэрасу были всего лишь строительным материалом. Единственное, для чего их можно было использовать — плетения, что создавали нечто похожее на мини-солнце, в процессе трансформируя энергию и переводя её из одного формата в совершенно иной.

В теории, после провала попытки, частицы должны были просто рассеяться в окружающем пространстве. Но их оказалось слишком много. К тому же, большая их часть сосредоточилась внутри того самого вихря.

Да, сам он состоял из сырой энергии душ, которая находилась в процессе поглощения. Но в центральной части смерча имелась и божественная сила Аида. Которая обеспечивала то самое давление, что делало бесполезным любые грубые атаки. Мощь царства мёртвых и солнечный свет — сложно отыскать две большие противоположности.

Секунда. Вторая. Третья. Хлопок прозвучал едва слышно. Почти незаметно для уха. Я даже было решил, что мне показалось.

Но через мгновение вихрь искажился. Расплылся в очертаниях. И сдетонировал.

Моя кольчуга была готова — защита вибрировала от влитой в неё силы и потому выдержала удар. И когда меня впечатало в стену, метрах в десяти от пола. И чуть позже, когда я рухнул на что-то металлическое. И потом, под обрушившимся ураганом силы, который спешил разнести всё вокруг.

Трофейная мощь обрушилась почти сразу. Десятки уцелевших Даров, осколки чистой силы, компоненты энергетических ядер. Всё то, что могло прицепиться к душам, когда Даниил вырывал их из тел, подтягивая к себе. Энергию из которой состояли сами посмертные образы, я естественно не трогал.

Самое ценное, что среди всего этого было — крохотный кусочек «искры» Аида, который я успел отыскать среди бушующего хаоса, изолировать и упрятать под полог внутри собственного каркаса. Всё остальное сгорело под бездарным управлением Рюриковича. Не знаю, кто показывал ему, как нужно обращаться с божественной силой, но либо этот учитель не предполагал, что Даниилу настолько быстро понадобится применять полученные знания, либо специально не указал тому на все нюансы.

Бушующий ветер наконец стих. Из проёма тоннеля, которым мы сюда пришли, вынырнул Санда. Проходить через эти крепостные стены дракон не мог, а потому воспользовался

классическим вариантом укрытия, покинув зал на время, пока там бушевал шторм.

Я держал глаза закрытыми, сконцентрировавшись на стабилизации того кусочка «искры» эллинского бога, что мне достался. Тем не менее, краем сознания оценил изображение, которое демонстрировал дракон.

Зал выглядел так, как будто в нём погуляла тролля свадьба, на которой не обошлось без десятка ожесточённых схваток родни между собой. Разломанные колонны, практически полностью выгоревший паркет, каменная крошка и пепел, что медленно оседал на всю эту разруху. Разбросанные по полу рамы картин.

Двери зала медленно распахнулись и на пороге показалась Дарья, в правой руке которой был сжат, слегка мерцающий от влитой силы, меч.

Я уже заканчивал с «искрой» Аида, но пока предпочёл не двигаться, продолжая работу. Вот Оболенский, который до этого стоял около стены, с лёгким шоком осматривая нанесённый нами ущерб, медленно двинулся наперерез царевне.

Спустя пару секунд послышался звонкий девичий голос.

— Вы в своём уме?! Зачем было лезть сюда вдвоём? Почему не подождали остальных? И что это за сила? Что тут вообще произошло?

На момент замолкнув, рявкнула.

— Василий, извольте слезть с престола моих предков!

Я наконец открыл глаза и спустил ноги, что лежали на чём-то неудобном, на пол. К моему удивлению, их предыдущей опорой оказался широкий и расплавленный подлокотник трона, в который я сейчас уселся.

Дарья задохнулась от возмущения, а вошедший следом за ней Шуйский усмехнулся. Правда, глаза у него оставались серьёзными. Остановившись рядом с царевной, глянул на Ратибора. Перевёл взгляд на меня.

— Пока вы тут развлекались у нас началась война и возможно на подходе ещё две — престолу выдвинуты ультиматумы. Но прежде, чем я начну рассказывать, ответьте — кто убил Даниила? За чьей жизнью скоро явится патриарх Рюриковичей?

Полная книга по ссылке: <https://author.today/work/310703>